Европейские культура, традиции и ценности: цивилизационная будущность

Раздел третий

Егор Холмогоров
Добрый дикарь на ледяном ветру.
Парадоксы консервативного руссоизма в французской и русской мысли

Ivan BLOT
L'égalitarisme, un danger pour les libertés et les traditions

Василий Ванчугов
Опыты «прагматического утопизма»: русская мысль в поисках «общего дела». Итоги и перспективы

Christian VANNESTE
Les valeurs morales sont-elles de droite ?

Кирилл Бенедиктов
Возможен ли не-глобалистский сценарий для Европы: case Франции

Patrick BRUNOT
Immigration de masse et sauvegarde des traditions

Егор Холмогоров

Добрый дикарь на ледяном ветру. Парадоксы консервативного руссоизма в французской и русской мысли

Консервативная мысль выросла на глубоком недоверии к силам человеческого разума и добродетельности человеческой воли. Это недоверие было воспитано в недавних либералах, просвещенцах, прогрессистах, зачастую – масонах, кровавой вакханалией Французской Революции и начавшихся по её следам войн.

> «Революция объяснила идеи: – рассуждал Н.М. Карамзин в 1802 году, – мы увидели, что гражданский порядок священ даже в самых местных или случайных недостатках своих; что власть его есть для народов не тиранство, а защита от тиранства; что, разбивая сию благодетельную эгиду, народ делается жертвою ужасных бедствий, которые несравненно злее всех обыкновенных злоупотреблений власти; что самое турецкое правление лучше анархии, которая всегда бывает следствием государственных потрясений; что все смелые теории ума, который из кабинета хочет предписывать новые законы нравственному и политическому миру должны остаться в книгах вместе с другими, более или менее любопытными произведениями остроумия; что учреждения древности имеют магическую силу, которая не может быть заменена никакою силою ума; что одно время и благая воля законных правительств должны исправить несовершенства гражданских обществ; и что с сею доверенностию к действию времени и к мудрости властей должны мы, частные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и делать все возможное добро вокруг себя» [4. с. 268–269].

Однако этими политическими декларациями дело не ограничивалось. Консерваторы первого призыва поставили под сомнение постулаты, на которых покоились доктрины Просвещения: во-первых, постулат о чистоте и силе «здравого смысла», некоего естественного разума, который нуждается лишь в очищении от затемняющего влияния ошибок, предрассудков и суеверий, привнесенных религией и «феодализмом»; во-вторых, постулат о благорасположенности к добру естественной человеческой воли, которая, опять же, нуждается лишь в освобождении от наследия проклятого прошлого, чтобы устроить себя и мир вокруг себя к лучшему.

Просвещенческая вера в естественного человека подкреплялась мифологемой «доброго дикаря», который, следуя именно своему естественному уму, не знает условностей и лицемерия цивилизованного мира, а потому более достоин называться человеком, нежели представители европейского придворного общества. Этот идущий от античности культ благородной простоты закручивался во все более и более тугой узел противоречий с оптимистическим прогрессизмом XVIII века, пока не породил шокирующую в своих выводах доктрину Ж.Ж. Руссо.

Холмогоров Егор Станиславович, публицист, главный редактор интернет-журналов «Русский обозреватель» и «Новые хроники». E-mail: holmogorow@yandex.ru

Жан Жак, или простота безмыслия

Руссоистское учение о неравенстве и общественном договоре доводило просвещенческие доктрины до абсурда и самоотрицания. Первобытный дикарь ставился выше цивилизованного человека при помощи использования радикального социального атомизма. Да, как представитель общества с его наукой и техникой цивилизованный человек гораздо сильнее дикаря, но как обладатель индивидуального физического тела, как радикальный индивид, дикарь сильнее, так как вкладывает усилия в развитие этого тела как единственного своего достояния, в то время как мы надеемся на внешние подпорки.

«Дайте цивилизованному человеку время собрать около себя все его машины: не приходится сомневаться, что он легко одержит верх над диким человеком; но если хотите вы увидеть борьбу еще более неравную, то поставьте их друг против друга нагими и безоружными и вы вскоре увидите, какое это преимущество – иметь постоянно все силы свои в своем распоряжении, всегда быть готовым ко всякой неожиданности и носить, так сказать, всего себя с собою» [10. с. 76].

Руссо доходит не только до звучащего для современного человека нелепостью утверждения, что нет никаких доказательств большей продолжительности жизни в обществах с развитой медициной по сравнению с дикарями, но и до отрицания самой святыни Просвещения – Разума. «Состояние размышления – это уже состояние почти что противоестественное… человек, который размышляет – это животное извращенное» [10. с. 79].

Дикарь Руссо достигает состояния абсолютно свободного, не порабощенного социальностью радикального индивида, но делает это за счет минимизации жизненных потребностей, свободы от излишних размышлений и чрезмерных целей.

«Дикий человек, который, блуждая в лесах, не обладал трудолюбием, не знал речи, не имел жилища, не вел ни с кем войны и ни с кем не общался, не нуждался в себе подобных, как и не чувствовал никакого желания им вредить, даже, может быть, не знал никого из них в отдельности, был подвержен лишь немногим страстям, и, довольствуясь самим собою, обладал лишь теми чувствами и познаниями, которые соответствовали такому его состоянию, ощущал только действительные свои потребности, смотрел лишь на то, что, как он думал, представляло для него интерес, и его интеллект делал не большие успехи, чем его тщеславие» [10. с. 102].

Тем самым в мысли Руссо (которой не откажешь в последовательности) пришли в противоречие две ключевых идеи Просвещения – идея естественного человека и природного здравого смысла и идея прогресса как самосовершенствования и развития человеческого рода. Прогрессивный человек оказался противоестественным, естественный человек оказался не столько неспособным, сколько не нуждающимся в развитии интеллекта.

Все бесчисленные плоды цивилизации оказались лишь ненужным отягощением этого естественного человека, а потому должны были стать жертвами нового варварства. Скроенная по руссоистским лекалам Революция была не только разрушением Традиции, но и восстанием против науки и техники. Её рационализм практически во всех областях оказывался примитивизацией и триумфом архаических форм. Санкюлот с варварской пикой стал насмешливым увенчанием Века Разума.

В Революции воплотилось руссоистское решение противоречия идеи прогресса и идеи естественного человека. Признав своего радикального индивида, свободного от интеллектуальной деятельности, тем самым благим естественным человеком, а вытекающую из духа частной собственности цивилизацию с ее многообразием социальных и умственных форм вредным и разрушительным для природы отягощением, Руссо нашел рецепт против цивилизации не в новой социальной атомизации, не в возвращении в естественное состояние, а в создании нового сверхъестественного социального индивида, социального

голема, конструируемого «Общественным договором». По сути это Новый Дикарь, но только бесконечно более могущественный, нежели первоначальный.

«Тот, кто берет на себя смелость дать установления какому-либо народу, должен чувствовать себя способным изменить, так сказать, человеческую природу, превратить каждого индивидуума, который сам по себе есть некое замкнутое и изолированное целое, в часть более крупного целого, от которого этот индивидуум в известном смысле получает свою жизнь и свое бытие; переиначить организм человека, дабы его укрепить; должен поставить наместо физического и самостоятельного существования, которое нам всем дано природой, существование частичное и моральное. Одним словом, нужно, чтобы он отнял у человека его собственные силы и дал ему взамен другие, которые были бы для него чужими и которыми он не мог бы пользоваться без содействия других» [10. с. 230].

Трудно перечислить все чудовищные явления последующих столетий, которым дала жизнь эта формула – будь-то якобинский террор или террор анархистский, архипелаг ГУЛАГ или маоистская культурная революция, борение воинствующих атеистов с Церковью или обезмысливание человека сегодняшней политкорректностью. Всюду в основе лежит идея формирования мегаиндивида, который заменяет естественные силы человека своими, но не в органическом развитии, а в принудительном обезличивающем совокуплении.

Руссоистская постановка вопросов была жестокой и разрушительной. И еще более жестоким был руссоистский ответ, реализуемый, через отмеченную Токвилем тенденцию ко «всеобщему равенству», как социальная атомизация, дробление индивидов и личностей с целью их последующего слияния в единого социального голема.

Просвещенческий либерализм и сейчас, два с половиной века спустя не желает замечать руссоистского вызова, реагируя на него зажмуриванием. Либеральный индивид предстает как обладатель полноты социальных сил так как если бы они были ему присущи от рождения и коренились в его природе. Либерализм воображает социального человека естественным человеком – отсюда все более агрессивная и разрушительная для антропологического самосознания экспансия произвольных социальных конструктов в сферу таких природных явлений как брак, сексуальная ориентация, гендерное самоопределение. Социально воображаемое конституирует себя как природу.

Два консерватизма. Бёрк и Де Местр

Консерватизм как интеллектуальная традиция вырос из полемики с Просвещением, а в еще большей степени из напряженного осмысления интеллектуального вызова, брошенного руссоизмом как в теории, так и в политической практике. С одной стороны, консерватизм отрицает тезис о естественной доброте человеческой природы, о необходимости очищения «здравого смысла» от нароста «предрассудков», как о способе достижения истинного ума.

При этом консерватизм впервые в истории человеческой мысли бросил вызов социальному атомизму, основанному на фиктивной самодостаточности радикального индивида, а одновременно брошен был вызов и обратной стороне этого атомизма – тоталитаризму.

Как отмечает Роберт Нисбет, «именно консерваторы… остро реагируя на сочетание атомизма и политической централизации французского революционного государства при якобинцах первыми стали вновь придавать институтам семьи, местного сообщества, церкви, общественных классов, гильдий и другим видам промежуточных общественных объединений ту теоретическую значимость, которой они были лишены в рамках господствующего течения европейской мысли, начиная, по крайней мере, с Жана Бодена в конце XVI века» [7. с. 425]. Солидаризм и коммунитаризм становятся царским путем консерваторов между завещанными Руссо социальным атомизмом и тоталитаризмом.

С другой стороны, руссоизм подкупает консерваторов натурализмом. Но только природа трактуется консервативной мыслью не как рациональное начало, не как овеществленный «чистый разум», но, напротив, как начало иррациональное, могущественное и грозное. Сентиментализм Руссо перекинул мост к романтизму, без эстетического влияния которого представить себе первую консервативную волну попросту невозможно. И этот натурализм захватывает одну из ведущих традиций консервативной мысли в своеобразный обратный плен, руссоизм выживает в ней как её тайное ядро, подвергаясь на поверхности непрерывной критике.

Непримиримо противостояние руссоизму британской линии консерватизма, идущей от Эдмунда Бёрка. К ней можно отнести и Адама Мюллера вместе с его продолжателем Фридрихом Листом в Германии, и Карамзина и славянофилов в России, а из французских мыслителей к ней достаточно близок окажется Бональд. Сущность этого направления в последовательном развитии идеи *традиции как прогресса* [12]. Мыслители этого направления проводят принцип накопления блага, прогресса как движения от худшего к лучшему, и консерватизм мыслится как забота о сохранении уже накопленных в истории позитивных результатов от разрушения новым варварством. Система традиций и предрассудков рассматривается, по выражению Бёрка, как «общий фонд хранящий веками приобретенную мудрость нации».

Бёркианство – это настоящий гимн созидательному человеческому действию, куда больше могущее претендовать на роль философии промышленной революции, нежели либеральное «смитианство». Мысль теоретика производительных сил, Фридриха Листа, базируется на работах Мюллера, в свою очередь опирающегося на Бёрка, чья мысль проникнута восторгом перед техникой, созидательной силой и энергией. Обличая разрушение революционерами французских монастырей, британский консерватор увидел в этом именно нарушение закона сохранения творческой энергии, аккумулирующейся в традиции [11].

Было бы неверно трактовать бёркианскую традицию как «либеральный» консерватизм, как это нередко делается. Но это, безусловно, консерватизм исторического оптимизма. Уверенности в созидательном торжестве человеческой энергии через основанную на традиции во всем многообразии ее конкретных исторических форм цивилизацию. В последнем счете во всем этом направлении чувствуется привкус космической теургии, веры в то, что, соработничеством Бога и человека, партнерством прошлых и будущих поколений, род людской и весь мир станут большим, нежели они есть. Удерживая кое-что от прогрессизма энциклопедистов, бёркианство остается последовательным антируссоизмом.

Консервативная традиция, начинающаяся с де Местра, находится к руссоизму в более сложном отношении. Де Местр категорически отвергает веру в добродетельность естественного человека, для него неприемлем руссоистский культ «простоты», он с презрением отзывается о «добром дикаре».

Однако при этом пьемонтский ультрамонтан при петербургском дворе сохраняет саму натуралистическую установку Руссо. Природа для него важнее истории. История проистекает из природы, является её следствием и судом над нею.

Далекий от просвещенческого пантеистического культа природы как благой управительницы жизни («Что это за дама?» – насмешливо спрашивает он, когда говорит о природе в этом смысле), де Местр – философ природы грозовой – злой, гневной, опасной, несущей в себе червоточину и разлад первородного греха.

«Именно к де Мэстру и теологической школе начала XIX века восходит открытие той истины, что общество есть создание природы, а не человеческого произвола, и представителей этой школы готов он признать основателями научной социологии. – отмечает Н.А. Бердяев в «Философии неравенства», – Тогда, хотя в частичной и ограниченной форме, но все же была обнаружена связь человеческой общественности с совокупностью при-

роды. Для религиозного сознания эта объективная основа общественности, эта природная в ней закономерность есть выражение греховности человеческого мира. Мир, лежащий возле, должен быть подчинен закономерности. Иначе злой хаос опрокинет всякий миропорядок, уничтожит всякий космический лад. В этом откровении закона для природного и общественного порядка есть своя моральная правда, изобличающая первородный грех. Нельзя изнасиловать природу. Нужно искупить ее грехи» [1. с. 54].

Во всеобщности первородного греха заключена на взгляд деместровской консервативной традиции невозможность произвольного рационального устроения мира и общества. «Мир во зле лежит», а потому совершенно исключено, чтобы человеческая воля была устойчиво и в полной мере расположена к благу, чтобы умственные силы человека были бы достаточны для торжества добра и справедливости, чтобы возможно было бы сконструировать некий лучший мир.

Если беркианство решает проблему несовершенства человека через постепенное частичное накопление блага, аккумуляцию творческой энергии в тех или иных институтах традиции, деместровская философия базируется на частичном же предотвращении зла, – его наказании, подавлении, исправлении. Естественный порядок жизни содержит в себе яд, принесенный грехом, но он же содержит и противоядие в естественно же вырастающих охранительных силах семьи, государства, централизованной католической Церкви.

Природа как теодицея в учении Де Местра

«Санкт-Петербургские» вечера де Местра, квинтэссенция его философии (и, не забудем, настоящий гимн красотам русской северной столицы, столь редко ценимым в русской консервативной традиции), посвящены построению развернутой политико-натуралистической теодицее, ответу на один из самых болезненных вопросов XVIII века – вопрос о невинном страдании. После разрушительного Лиссабонского землетрясения 1755 года его жертвы стали поводом для ожесточенных нападок просвещенцев и, прежде всего, Вольтера на традиционное учение о смерти и природных катастрофах как каре за грехи. Вера образованных людей в божественную справедливость была поколеблена.

Де Местр ставит католическое учение на новое более прочное основание. Всякая смерть и мука есть наказание за грех – либо личный, либо грех предшествующих поколений, либо грех первородный. Катастрофичность и неизбирательная жестокость природы есть следствие первородного греха. Как на войне пуля, подчиняясь физическому закону, убивает грешника наравне с праведником, так и в жизни в целом закон смерти не минует и не щадит никого – ни святых, ни святотатцев, ни младых дев, ни мать и дитя. И требовать от Бога иного распределения смертей значило бы требовать от Него ежесекундно творить множество чудес.

Естественный закон жизни, в понимании де Местра, остающемся здесь ортодоксально христианским, порожден грехом и чреват страданием. Но несправедливо полагать, что этот естественный закон более жесток к добродетельному, нежели к порочному, губит праведников, минуя грешников. Де Местр стремится доказать, что всем достается без пристрастия, а значит Божественная справедливость явлена.

А для того, чтобы еще больше сместить баланс в пользу справедливости, как естественная сила, удерживающая от зла, человеку явлено государство с его переходом нравственного закона в принудительный, правосудием и карающим мечом палача, которому де Местр слагает возмущавший многих гимн. Это парадоксальное деместровское славословие палачу как вне-нравственной, свободной от совести и справедливости силе, столь резко контрастирует с гимном апостола Павла начальнику как нравственному судии, различающему доброе и дурное и за каждое воздающему по справедливости, что можно

удивиться как весьма тонкий и компетентный христианский мыслитель мог допустить такое досадное противоречие.

Однако по сути деместровский палач это метафора всякой вненравственной природной силе, на косности, инерции и не-вменяемости которой базируется весь миропорядок. Эта сила сокрушает кости грешников и тем утверждает порядок. «Всякое величие, всякая власть, всякое повиновение покоятся на исполнителе правосудия: он есть ужас и связь человеческих сообществ. Уберите из мира эту непостижимую силу – и в то же мгновение хаос придет на смену порядку, троны низвергнутся в пропасть и общество исчезнет. Бог творец верховной власти, а значит и наказания… На земле существует зло и действует оно беспрерывно, а значит, его должно беспрерывно обуздывать карой… Меч правосудия никогда не входит в ножны, он всегда должен разить или угрожать» [3. с. 26].

Судебные ошибки, несправедливость кары, всё это не колеблет карательного пафоса де Местра. Он отводит этот упрек тем, что такие ошибки происходят гораздо реже, чем думают, а невинно осужденные, как правило, совсем не столь невинны, как это воображают. Его не заставляет дрогнуть даже пример чудовищного систематического террора якобинцев, так как это, во-первых, манифестация зла, ради борьбы с которым и нужны дыба да колесо, а, во-вторых, он уже объяснил в своем «Рассуждении о Франции», что через террор злодеи, в конце концов, наказали сами себя и тем сослужили службу и правосудию и милосердию восстанавливаемой в будущем монархии.

Всякое естественное движение, в понимании де Местра, есть исполнение Божественного замысла. «Несомненно, Бог есть всеобщий двигатель, однако каждое существо приводится в движение сообразно полученной им от Бога природе» [3. с. 176]. Вроде бы натурализм Руссо возвращается на круги своя, но только теперь образ «естественного человека» двоится. С одной стороны – это первосозданный Адам, чья природа действительно добра, послушлива Богу, и чье естественное действие согласно с замыслом Творца. С другой стороны, естественный человек – это испорченный грехом человек, тяготеющий ко злу, если его не исправляет влияние Церкви и государства, священника и палача.

С руссоистским добрым дикарем де Местр расправляется с особой жестокостью. Он объявляется результатом вырождения, последствием порчи первоначального естественного человека, который есть человек цивилизованный. «То, что Руссо и подобные ему именуют *естественным состоянием,* есть уже последняя степень отупения и скотства» [3. с. 56].

Это могущее показаться причудливым учение из второй беседы «Санкт-Петербургских вечеров» на деле есть развитие традиционного библейского взгляда, который представляет раннюю историю «от Адама» как историю упадка, но отнюдь не прогресса. И наиболее варварские народы оказываются в этой перспективе не отстающими в развитии, а далее прочих зашедшими в деградации. Руководитель народа совершает чудовищные преступления, очевидно связанные с непостижимыми нынешнему человеку духовными практиками, и вот уже весь народ, расплачиваясь за это преступление, впадает в дикость.

«Вождь народа искажает в себе моральное начало преступлениями, при нынешнем положении вещей уже, по всей видимости, невозможными, ибо мы, к счастью, обладаем познаниями слишком незначительными для подобной вины. Итак, пастырь народа передает проклятие потомству, а поскольку всякая постоянная сила по природе своей действует всё быстрее, то эта порча, всё более отягощая потомков, превращает их в конце концов в то, что мы называем дикарями» [3. с. 56].

Парадоксальным образом, разгромленный в пух и прах Руссо частично восстанавливается в правах – естественный человек это и впрямь человек добрый, это человек первоначальной цивилизации. И его история это и впрямь история порчи, но только не

порчи дикаря развитием цивилизации, а порчи цивилизованного человека преступным впадением в дикость.

Насколько существенная эта тенденция поструссоистского инволюционизма для французской мысли показывает пример современника де Местра, оккультиста Фабра де Оливье, представляющего историю человечества как упадок первоначальной монархии и отпочкование колоний от первобытного народа. Равно мы можем вспомнить и Рене Генона, традиционалистская философия которого пронизана идеей циклизма и прогрессирующего упадка.

Де Местр закладывает основы французского консервативного мировидения. Пессимистический натурализм. Взгляд на природу как на грозную и, в то же время, инерционную в следовании закономерностям систему, недоверие человеческому разуму и человеческой воле в их слабости, незначительности, по сравнению с общим строем вещей, и удобопреклонности ко злу… Руссоизм, критикуемый внешне, но все-таки лежащий в основе этого типа консервативного дискурса. У Фредерика Ле Пле мы обнаружим в его социальной философии те же черты, достигшие, пожалуй, еще большей выпуклости.

Ле Пле. Семья против первородного греха

Одно из влиятельных продолжений деместровской консервативной традиции мы находим у Фредерика Ле Пле, который оказал исключительное влияние на французскую и мировую социологию благодаря выработке им монографического метода, приоритету включенного наблюдения над абстрактным теоретизированием, чрезвычайно плодотворному анализу семейных бюджетов рабочих-металлургов всего мира. Ле Пле вошел в историю не только как металлург, социолог и философ, но и как социальный реформатор, противопоставивший идее классовой борьбы идею социального мира и оказавший огромное влияние на социальную политику Франции и других европейских стран в пользу покровительства трудящимся и их социальной защиты.

Ле Пле был неутомимым путешественником, объехавшим Европу, Азию и Америку ради материалов для своих исследований. И огромную роль в развитии его социологии и в личном становлении сыграли его многократные путешествия в Россию. В 1837 году он по приглашению Анатолия Демидова возглавил исследование промышленного потенциала Новороссии и Крыма, в 1840–1842 гг. в Париже выходит при его участии четырехтомный труд «Voyage dans la Russie Meridionale et la Crimee…». Выходит так же работа самого Ле Пле «Исследование каменноугольного донецкого бассейна, произведенное в 1837–1838 гг. по распоряжению А.Н. Демидова» (русский перевод 1854).

Впрочем, выводы Ле Пле для Донбасса были далеко не благоприятны, – дав его подробную геологическую характеристику, француз пришел к выводу, что донбасский уголь не будет иметь промышленного значения, и рекомендовал Демидову вместо Южной России сосредоточиться на развитии уральских заводов. Ле Пле лично на протяжении 1840–1850-х годов консультировал Демидова по вопросам развития уральской промышленности. Именно в эти годы в демидовских владениях отмечается расцвет социального патернализма. Уплата государственных налогов, административно-хозяйственные расходы и некоторые из “частных” обязанностей (как, например, пенсии, пособия и награды рабочим) «были обычным делом для предпринимателей-промышленников….», – отмечает исследовательница уральской промышленности Т.К. Гуськова [Цит по: 6. с. 210]. Почти треть горнозаводских доходов Демидовых в этот период расходуется на социальные нужды.

Восемь поездок Ле Пле в Россию оказали сильное влияние на формирование его консервативно-патерналистской философии.

«Мои первые впечатления при виде крепостного состояния противоречили моим предвзятым мыслям, и потому я долго не доверял самому себе. Население было довольно своею судьбой, подчиняясь нравственному закону, равно как и верховной власти и господам, благодаря религиозному началу, которое поддерживало твердую веру. Изобилие самородных произведений давало достаточные средства к существованию. Как и в Испании, взаимная короткость отношений соединяла помещиков с крестьянами. С этого первого своего путешествия я заметил, что главная сила России заключалась во взаимной зависимости помещиков и крестьян. Дух покровительства был, в сущности, основанием общественного строя. Во время этой поездки я привык к виду степей и получил возможность усвоить идеи пастушеских народов, оставивших глубокий след в прошедшем Европы и Азии» [5 с. IX].

Позднее эта выработанная не без учета русского материала социальная теория усилиями К.П. Победоносцева вернется в Россию как новейшая философия альтернативная социализму и либерализму.

В чем же суть социальных воззрений Ле Пле? В фундаменте «основной конституции человеческого рода» лежит для него семья, понимаемая как институт по исправлению первородного греха, дурного направления человеческой природы. Ле Пле в систематически-схоластической форме следует основному воззрению де Местра – человек включен в систему природы, однако своей особенностью имеет как наличие в нем многообразных естественных сил, так и нравственную природу, способность избирать добро и зло.

Однако в естественном человеке эта способность повреждена первородным грехом, систематически склоняя человека ко злу. Младенец и ребенок не самое невинное и чистое существо, а напротив – средоточие тяготений к пороку и своеволию (мотивы «Исповеди» блаженного Августина»), которые могут быть исправлены лишь систематическим воспитанием и родительской властью.

«Врожденная наклонность в детях ко злу составляла всегда препятствие к благосостоянию человеческих обществ… Мудрые у всех народов и всех веков называли этот порок «первородный грех» [5 с. 26].

Мало того, – «в самых цветущих обществах появление детей принимает вид как бы нашествия маленьких варваров: необходимо укрощать их воспитанием…» [5 с. 25–26].

У Ле Пле поразительно соединение руссоистской постановки вопросов – естественный закон, важность воспитания, с антируссоизмом ответов. Вот как резюмирует его мысль Победоносцев:

> «Главным источником заблуждений, от которых страдает современное общество, Ле-Пле почитает идею исконного совершенства человеческой природы, овладевшую умами, со слов Руссо, в 1789 году; здесь видит он и отсюда ясным психологическим анализом выводит ложные догматы этой эпохи и последующих за нею: догмат свободы, равенства, большинства голосов, права на восстание против власти... Эта идея, вскружившая всем головы, утвердившаяся с тех пор сознательно и бессознательно у всех в душе, породила и должна была породить дикие явления варварства, насилия и анархии: какой закон, какое учреждение, какое общество, какое правительство могут устоять, когда в умах водворилась мысль, что стоит лишь оставить человека на волю натуральным его наклонностям, – и они приведут его к добродетели? Всякая кормилица знает по опыту, как в малом ребенке, с первыми проблесками сознания, появляются уже страсти: и гнев, и зависть, а затем и насилие, и притворство; опыт свидетельствует не о самовозрастании добродетели, а, напротив того, о необходимости воспитывающей и исправляющей дисциплины…» [5 с. XVI].

Однако у Ле Пле мы находим ту же что и у де Местра черту – безбожный эгалитаристский руссоизм отвергается во имя его христиански-патриархальной версии.

«У всех благоденствующих народов, – отмечает Ле Пле, – те же самые общие черты путей и способов воспитания: подавлять действие первородного греха, оказывающееся в детях с минут рождения, при первых проявлениях воли; развивать врожденные стремления к добру; сообщать юноше навыки профессионального труда, чтобы он умел доставать себе необходимый для каждого хлеб насущный; приучить его волю к исполнению закона Десяти заповедей, созидающего в обществе царство мира» [5 с. 2].

Мы замечаем у Ле Пле ту же двойственность в оценке естественного человека. С одной стороны – это удобопреклонная ко злу жертва первородного греха, с другой человеку присуще врожденное стремление к добру. Однако развиться это стремление может только под воздействием патриархальной родительской власти. То есть Ле Пле, вслед за Руссо, предлагает развивать «естественного человека», но видит эту естественность совсем в ином, а главное консервативная педагогика представляется ему делом гораздо более трудным, чем женевцу. При этом, если у де Местра власть, прежде всего, связана с насилием и карой, это власть палача, то у Ле Пле – это власть любящего, но строгого отца, носителя авторитета и поборника дисциплины.

«Великая и трудная задача воспитания состоит в том, чтобы удержать ребенка, юношу и потом взрослого человека в подчинении родительской власти. Если не разрешена эта задача, всё дело воспитания рушится… Отцы, для того, чтобы воспитать повиновение в детях, пользуются обыкновенно орудием всякой человеческой власти, то есть орудием дисциплины; но вместе с тем… родителям и по природе и по разуму помогают в этом деле естественные чувства любви и преданности» [5. с. 2–3].

Однако одной лишь родительской любви мало, чтобы удержать систему повиновения патриархальной власти – семья по Ле Пле призвана воспитывать ребенка в страхе Божием, являющемся главной опорой нравственного закона, без которого невозможно благоденствие.

Второй опорой истинного социального порядка по Ле Пле является сеть нравственных авторитетов, – людей, которые, живя в обществе, не поддались, однако, порокам и развращению, захватившим большинство, а потому могут своим примером и воздействием способствовать нравственному оздоровлению социума.

«Отдельные лица, имея от природы исключительное влечение к добру, ускользают от порчи в окружающей их испорченной среде. Занимаясь обычным своим промыслом, они соблюдают и у домашнего очага и в рабочих мастерских у себя постоянство и мир, основанные на взаимном чувстве благоволения между хозяином и подчиненными служителями… Платон указывал на добрый образец порядка и мира в подобных хозяйствах. Таких хозяев, начальников семейства, он называл «людьми божественными». Он советовал правителям Греции «разведывать о таких людях и разыскивать их повсюду дома и за морем» [5 с. 30].

Ле Пле сообщает, что назвал таких людей «власти общественные». Учение об этих порождаемых природой социальных авторитетах составляет одну из оригинальных черт в социальном учении Ле Пле, оказавшую громадное воздействие на политическую практику Победоносцева, который всюду выискивал «людей» того типа, на который указывал французский социолог.

Реванш опрощенчества. Константин Победоносцев

Победоносцев не только переводил труд Ле Пле и активно пропагандировал его личность и учение, он положил это учение в основу своих теоретических воззрений и по-

литической практики. Он вообще не верил ни в какую перемену государственных учреждений, новые законы казались ему пересаживанием музыкантов в крыловском «концерте». «Зачем строить новое учреждение, когда старое учреждение потому только бессильно, что люди не делают в нем своего дела как следует» [Подробнее см. 9].

Победоносцеву представлялись страшным грехом любые преобразования, не только либеральные. Любое проектирование будущего он считал головными беспочвенными мечтаниями, противоречащими жизни. Слово «жизнь» одно из самых частых в его лексиконе. Однако вот парадокс – это понятие трактуется им не как движение, активность, борьба, что более привычно для нашей эпохи, а напротив – как не возмущаемое страстями струение бытия. «Да тихое безмолвное житие поживем».

Любой «проект» представлялся ему искусительной «мечтой» (любимое отрицательное определение, попавшее даже в речь Николая II и вызвавшее скандал – «бессмысленные мечтания»), угрожающей спокойствию жизни. Любая борьба идей и программ – чванливой суетой, в которой не может быть правого и виноватого, где всё «оболживело» (еще одно любимое слово). Любые деятельные, знаменитые, амбициозные люди – угрозой тем тихим смиренным провинциальным труженикам, которых он воображал опорой истинной общественной пользы.

Подход Победоносцева не случайно характеризуется исследователями как своего рода «консервативное народничество». Победоносцев был противником не только либералов и революционеров, но и петербургской бюрократии. Самодержавная монархия рисовалась обер-прокурору опирающейся на простого человека, как неформальная сеть скромных тружеников, которых царские доверенные советники найдут в глубинке. Та самая сеть авторитетов, «общественная власть», по Ле Пле, которая свяжет между собой два патриархальных начала – семью и монархию в общем противостоянии духу развращения.

Его соратником и идеалом был Сергей Александрович Рачинский, оставивший профессорство в Москве и открывший сельскую школу у себя в Смоленской губернии (именно эту школу прославила знаменитая картина «Устный счет» Богданова-Бельского). Эти чаемые работники, как представлял Константин Петрович, будут улучшать жизнь, трудясь «в тишине, по углам», «в своем тесном кругу», «в бедности, простоте и смирении».

«Простота» – еще одно любимое слово Победоносцева. И здесь в русской консервативной мысли с особенной силой пробиваются те руссоистские мотивы, которые оказались, пусть и после полемической обработки, заложены в фундамент французской консервативной традиции.

«Что просто – то право» – настаивал обер-прокурор. Как только простое интуитивное чувство отягощается рефлексией, становится частью самосознания человеческого «я», оно уже кажется Победоносцеву отравленным. Поразительно, что, будучи непримиримым оппонентом Толстого в вопросах религии и общественных идей, Победоносцев удивительно близок с ним в философии. И тот и другой стремятся к опрощению, ставят идеалом русского человека кого-то вроде Платона Каратаева.

Настоящей опорой Руси и самодержавного порядка представлялся Победоносцеву простой народ, который в своей темноте и непросвещенности хранит веру Церкви и верность Государю. Народ постигает истину интуитивно, практически без посредства учения Церкви – мысль, балансирующая на грани ереси.

«Какое таинство религиозная жизнь народа такого, как наш, оставленного самому себе, неученого! Наше духовенство мало и редко учит, оно служит в церкви и исполняет требы. В иных, глухих местностях, что народ не понимает решительно ничего ни в словах службы церковной… И, однако, во всех этих невоспитанных умах воздвигнут, неизвестно кем, алтарь неведомому Богу» [8. с. 353].

Русский мыслитель, пожалуй, откатывается от той сложной рецепции руссоизма, которая характерна для деместровской традиции, практически обращаясь к первоначальному культу естественного человека. И это несмотря на сознательное декларативное отторжение Руссо, постоянно звучащее у российского консерватора.

Восторг Победоносцева вызывает инерция неученой жизни. «Есть в человечестве натуральная, земляная сила инерции, имеющая великое значение. Ею, как судно балластом, держится человечество в судьбах своей истории, и сила эта столь необходима, что без нее поступательное движение вперед становится невозможно» [8 с. 310].

В центре жизни стоит народный предрассудок, когда простой человек «держится упорно и безотчетно мнений, непосредственно принятых и удовлетворяющих инстинктам и потребностям природы», а покушения логики воспринимает как угрозу не одному конкретному мнению, а «целому миру своего духовного представления» [8 с. 310].

В своем понимании предрассудка Победоносцев обнажает противоречие с английской консервативной традицией (тоже, несомненно, ему знакомой), для которой предрассудок – это добродетель, вошедшая в привычку, продукт коллективного ума, «общий фонд хранящий веками приобретенную мудрость нации». Человек с предрассудками у Бёрка – это ходячий концентрат национальной истории.

В победоносцевском же варианте фактически происходит реставрация руссоистского «естественного человека» (формально Победоносцевым, как и его интеллектуальными предшественниками, многажды анафематствованного), который в своей простоте и чистоте интуитивно «от природы» знает истину, а любая цивилизация и образование, любой исторический опыт, ему лишь вредят. Разница в том, что для просвещенцев религия затемняла простоту, а для Победоносцева именно она была центром всего.

Константин Петрович, следуя консервативному прочтению французской просвещенческой парадигмы, оказывается оппонентом «английской» идеологии консервативного прогресса как накопления традиции, – напротив, любое движение, любое изменение оказывается для него априори движением к худшему, так как удаляет от идеала естественной патриархальной простоты. И здесь же секрет его разрыва со славянофильством, существующим в бёркианской парадигме, как реставраторское обращение к сокровищнице традиции. Содержание этой традиции, Московская Русь как идеал, слишком сложны для воображаемого Победоносцевым опорного крестьянина.

И с этим была связана практическая политическая ошибка Победоносцева, из-за которой многие называли его даже виновником Первой русской революции. Константин Петрович полагал, что Россия надолго останется аграрной страной, а потому широкое народное образование ей не нужно, оно приведет лишь к «мечтаниям». Почитая интуитивное познание истины народом, он, в то же время, презирал его в социальном смысле и был уверен, что может быть в Англии народ и готов к новым учреждениям, но в России точно нет, и без государственной опеки и надзора мужик пропадет.

В силу дремучести и неучености народа его могут сбить с толку любые подстрекатели и агитаторы. А потому, – вот парадоксальный поворот мысли, – лучше держать образование и критическое мышление от народа подальше. Победоносцев энергично развивал церковно-приходскую школу, но не как инструмент просвещения и мост для перехода русского народа к современности, а как средство задержать введение всеобщего светского образования. Потолок той задачи, которая ставил перед собой победоносцевская школа, состоял в том, чтобы создать тех добрых патриархальных отцов семейств, на которых уповает Ле Пле.

Но вот в чем ошибся французский мыслитель и в частности, когда счел Донбасс непригодным к развитию индустрии, и в целом. Россия была обречена на быструю индустриализацию, если хотела остаться в числе великих держав и сохранить способность

защитить себя. А значит, требовались и всеобщее народное образование, и новые социальные институты.

Единственным шансом не сверзиться в пропасть на повороте было быстро пройти путь от патриархально-аграрного уклада к новому обществу с широким слоем собственников и работящих людей, которые именно благодаря образованию твердо сознают свои консервативные интересы и сознательно защищают порядок. Шанс на такую перестройку был, как показали реформы Столыпина, но тому уже не хватило времени до катастрофы. И не так уж не правы те, кто полагает, что это было то самое время, которое было растрачено руссоистскими мечтаниями Победоносцева сохранить народную простоту.

Ресурс инерционного сдерживания зла был ограничен. Порыву социальных сил можно было противопоставить только другой порыв, идее – другую идею, консервативному началу следовало в страстной идейной полемике схватиться с революционным, навстречу реформации модерна должна была выйти контр-реформация с её опорой на традицию.

Такой контрреформационный потенциал заключался в славянофильстве с его бёркианской ориентацией на консервативный прогрессизм и восстановление традиции как реставрацию будущего. Это направление следовало сформулированному Бёрком принципу: «Если последние поколения вашей страны не имели особого блеска в ваших глазах, вы могли, обойдя их, обратиться к более древним вашим предкам, благоговейно склоняясь перед ними. Ваше воображение узрело бы в сих предках образец добродетели и мудрости, стоящий выше грубых потребностей текущего момента, и вы могли бы возвыситься, подражая образцу, вдохновившему вас. Почитая предков своих, вы научились бы почитать самих себя» [2].

Избранная вместо этого ориентация на консервативный руссоизм де Местра – Ле Пле с его натурализмом, верой в закон, начертанный в человеческом сердце, надеждой на простоту рядового человека и ненарушение естественного хода вещей оказались опасной ловушкой для русского консерватизма. Вне собственной национальной и цивилизационной традиции «простой русский человек» оказался, к ужасу консерваторов, игрушкой чуждых идеологических сил. Победоносцеву приписывается (справедливо ли?) выражение, что Россия – ледяная пустыня по которой бродит лихой человек. Вот что только и осталось от доброго дикаря при минусовой температуре.

Литература

1. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: Институт русской цивилизации, 2012
2. Бёрк. Размышления о революции во Франции. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992
3. Де Местр, Жозеф. Санкт-Петербургские вечера. СПб.: Алетейя, 2016
4. Карамзин Н.М. Избранные сочинения в двух томах. т. 2. М.; Л.: 1964.
5. Ле Пле, Фредерик. Основная конституция человеческого рода. М.: Синодальная типография, 1897
6. Мондэй. К. Школа Фредерика Ле Пле в России// Финансы и бизнес. № 1, 2008, с. 206–222
7. Нисбет, Роберт. Прогресс: история идеи. М.: ИРИСЭН, 2007
8. Победоносцев К.П. Сочинения. СПб.: Наука, 1996
9. Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: РОССПЭН, 2010.
10. Руссо Жан-Жак. Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-Пресс, 1998
11. Холмогоров Е.С. Сотворение консерватизма: гордость и предубеждение Эдмунда Бёрка // Портал Русская idea. 11.08.2016 [http://politconservatism.ru/articles/sotvorenie-konservatizma-gordost-i-predubezhdenie-edmunda-byorka]
12. Холмогоров Е.С. Прогресс в консервативной перспективе: Н.М. Карамзин и парадигма европейского пост-просвещения // Портал Русская idea. 14.12.2016 [http://politconservatism.ru/articles/progress-v-konservativnoj-perspektive-n-m-karamzin-i-paradigma-evropejskogo-post-prosveshheniya]

Аннотация. Идеология консерватизма рассматривается в статье как реакция на воплощение Французской Революцией философских постулатов Просвещения и Жан Жака Руссо о природной доброте и простоте ума «естественного человека», воспринимаемого сквозь призму мифологемы «доброго дикаря». Отмечается противоречие между прогрессистскими установками просвещенцев-энциклопедистов и взглядом Руссо на цивилизацию как на инволюцию человека от благоприятного первоначального состояния.

Автором выделяются две парадигмы в развитии консервативной мысли. Первая, - линия Эдмунда Бёрка ориентируется на консервативный прогрессизм, на рассмотрение традиции как накопления блага, а на исторические институты и предрассудки, как на опору для разума и действия, резервуар творческой энергии, позволяющей улучшать социальное бытие человека. Эта линия решительно противостоит руссоизму, но во многом наследует прогрессизму просвещенцев. Вторая, – линия, связанная с именем Жозефа де Местра, во многом наследует идеям Руссо, отвергая их на словах. Для этой линии характерен натурализм, рассмотрение блага и зла как принадлежности природы. Деместровская теодицея связана с идеей божественного закона, который и осуществляет справедливость в природе и через природу. Образ естественного человека у де Местра двоится – с одной стороны это человек, пораженный первородным грехом, с другой – это подлинный естественный человек библейского учения, Адам. Через это раздвоение де Местр фактически принимает руссоистское представление об истории как инволюции естественного человека, роль которого теперь выполняет не дикарь, а носитель первоначальной божественной цивилизации.

Развитие консервативного натурализма де Местра мы находим у социолога Фредерика Ле Пле, чья деятельность, как и деятельность де Местра, имела немало соприкосновений с Россией. Социальная философия Ле Пле так же строится на раздвоении образа естественного человека. С одной стороны, это жертва первородного греха, существо, которое от рождения удобопреклонно ко злу и раздираемо страстями. С другой стороны в человеке заложено врожденное стремление к добродетели, которое должно быть взращиваемо авторитетом и любовью патриархальной семьи. Именно патриархальная семья является той естественной основой социальности, которая искореняет присущий человеческой природе грех и возводит общества к благосостоянию. Нравственной опорой для этих семей служат религия, государство и сеть имеющих от природы высокие нравственные качества общественных авторитетов, «общественная власть», как называл её Ле Пле.

Идеи Ле Пле оказали решающее влияние на общественную мысль К.П. Победоносцева, самого политически-влиятельного русского консерватора второй половины XIX века. Политическая практика Победоносцева – это попытка вместо реформы учреждений создать сеть местных авторитетов, которые свяжут патриархальные семьи и патриархальную же монархию. Однако в политической философии Победоносцева происходит фактический откат назад к руссоистской интерпретации естественного человека, освобожденный от характерного для де Местра и Ле Пле скептицизма и двойственности. Победоносцев уповает на «простоту» и инстинктивное знание правды простым человеком, на силу инерции как на охранительное начало. Предрассудки рассматриваются им не как резюме коллективного опыта, как в бёркианской консервативной традиции, но как интуитивное понимание, которое простой человек напряженно защищает от любой критики и скептицизма. Заложенный в деместровской консервативной традиции руссоистский потенциал дает о себе знать. Фактически Победоносцев изготавливает в лице своего воображаемого русского крестьянина новую версию руссоистского «доброго дикаря». Этот аспект философии Победоносцева сказался при выборе модели развития народной школы и темпов расширения народного образования в России, существенно снизив готовность большинства нации к неизбежной индустриализации и социальной модернизации. За эту неготовность и лежавший в её основе скрытый руссоизм, Россия заплатила в Революцию цену еще большую, чем Франция заплатила за первоначальные идеи Руссо.

Ключевые слова: Консерватизм, Просвещение, Жан Жак Руссо, руссоизм, естественный человек, добрый дикарь, радикальный индивид, социальный атомизм, прогресс, традиция, Эдмунд Бёрк, Николай Карамзин, Роберт Нисбет, Жозеф де Местр, Николай Бердяев, натурализм, первородный грех, теодицея, инволюция, Фредерик Ле Пле, семья, патриархальность, патернализм, воспитание, авторитет, Константин Победоносцев, инстинкт, предрассудок, инерция, народные школы, модернизация, революция.

Yegor Kholmogorov, Essayist; Editor-In-Chief, “Russian commentator” and “New Chronicle” Online Magazines.
E-mail: holmogorow@yandex.ru

Kind Barbarian in the Icy Blast.
Paradoxes of conservative Russoizm in French and Russian thought

Abstract. In this article the author views conservative ideology as the reaction to the implementation by the French Revolution of the philosophic postulates of the Enlightenment and Jean-Jacques Rousseau on natural kindness and mind simplicity of “the natural man” perceived through the prism of a “kind barbarian”. The author sees

contradictions between the attitudes of Enlighteners-Encyclopaedists and Rousseau's views on civilization as man's regressive evolution from the favorable initial stage.

The author distinguishes two paradigms in the conservative ideology development. The first paradigm is the line of Edmund Burke oriented towards conservative progressism, towards interpreting traditions as welfare accumulation and historical institutions and prejudices as the basis for reason and action, a vessel for creative power that makes it possible to improve man's social existence. This contradicts the ideas of Russoizm, but inherits at large the progressism of the Enlighteners. The second paradigm is the like connected with the name of Joseph de Maistre, who rejected Rousseau's ideas in words, but in truth inherited a lot of them. This line is characterized by naturalism, good and evil are interpreted as inherent to nature. De Maistre's theodicy is connected with the idea of the higher law that implements justice in nature and through nature. The image of the natural man in de Maistre's interpretation becomes ambivalent, - on one hand, this man is affected by the original sin, on the other hand, - he is the real biblical natural man, Adam. Due to this dualism de Maistre in fact accepts Rousseau's conception of history as regressive evolution of the natural man, whose role now plays not the barbarian, but the transmitter of original divine civilization.

We find further development of de Maistre's conservative naturalism in the works of the French sociologist Frederic Le Play whose work, like de Maistre's, was also connected with Russia. Le Play's social philosophy is also based on the dual image of the natural man. On the one hand, he is the victim of the original sin, a creature disposed to evil and torn by passions. On the other hand, a man has inherent aspiration to virtue, that has to be cultivated by authority and patriarchal family. The patriarchal family in particular is the natural basis of sociality that eradicates sins inherent to the human nature and leads the society to welfare. These families find moral support in religion, state and system of public authoritative leaders who by nature have high moral qualities, or, according to Le Play, "public power".

Le Play's ideas influenced greatly the public concepts of K.P Pobedonostsev, one of the most politically influential Russian conservatives in the second half of the 19th century. Pobedonostsev's political activities consisted in the efforts to create a system of local authorities that will connect patriarchal families and patriarchal monarchy, instead of reforming institutions. However, in his political philosophy Pobedonostsev returns to Rousseau's interpretation of the natural man, his concept is free from skepticism and duality in contrast to de Maistre and Le Play. Pobedonostsev relies on the "simplicity" and instinctive knowledge of truth by the simple man, on the force of inertia as protective principle. He sees prejudices not as the result of the collective experience, like in Burke's conservative tradition, but as intuitive understanding, that a simple man tries to protect from any criticism or skepticism. Rousseau's potential contained in the conservative tradition of de Maistre makes itself felt. In fact Pobedonostsev presents a new version of Rousseau's "kind barbarian" in the image of his conceptual Russian peasant. This aspect of Pobedonostsev's philosophy influenced the choice of the public school development model and the rate of public education expansion in Russia making the majority of the nation not fully ready for the inevitable industrialization and social modernization. This unreadiness and its underlying concealed Russoizm made Russia pay even a higher price during the Revolution, than France had to pay for the original ideas of Rousseau.

Keywords: Conservatism, Enlightenment, Jean-Jacques Rousseau, Russoizm, Natural Man, Kind Barbarian, Radical Individual, Social Atomism, Progress, Tradition, Edmund Burke, Nikolay Karamzin, Robert Nisbet, Joseph de Maistre, Nikolay Berdyaev, Naturalism, Original Sin, Theodicy, Regressive Evolution, Frederic Le Play, Family, Patriarchal Character, Paternalism, Education, Authority, Konstantin Pobedonostsev, Instinct, Prejudice, Inertia, Public Schools, Modernization, Revolution.